

А. ВИШНЕВСКИЙ

Теоретический и политический журнал
Центрального Комитета КПСС

4 (1338) МАРТ 1989

СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА. СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ. ЧЕЛОВЕК

В последнее время в научный и публицистический оборот все больше входит понятие «качественное состояние общества». Интуитивно ощущается емкость этого понятия, его возможности интегрировать различные стороны и результаты общественного развития. В то же время его содержание пока не раскрыто с необходимой полнотой. Не претендуя на всеобъемлемость анализа, хотел бы привлечь внимание к одной из важнейших детерминант качественного состояния общества — исторически определенным регуляторам человеческой деятельности.

Когда мы приходим в этот мир, рельсы, по которым предстоит двигаться, уже уложены, правила движения по ним написаны. Имеется сложившаяся система как самих отношений между людьми, так и освящающей и защищающей их институциональной и идеологической брони. Есть ценности, нормы, правила поведения в различных ситуациях, есть запреты, санкции за их нарушение, механизмы культуры, которые, воздействуя на разум и чувства, обеспечивают принятие большинством людей того порядка, в котором они живут. Важнейшее место принадлежит экономическим отношениям, например отношениям собственности, правилам, по которым строятся эти отношения, но они отнюдь не покрывают всего богатства жизни, не определяют всех механизмов ее социального регулирования. Нельзя рассчитывать на кардинальные изменения в обществе без кардинальных же изменений его экономической структуры. Но неверно думать, что такие изменения независимы от *всей* системы социальных регуляторов или что изменения в экономических отношениях автоматически влекут за собой немедленное изменение всей этой системы.

Когда в период индустриализации миллионы крестьян превращались в промышленных рабочих, экономическая структура советского общества, равно как и его социальная структура менялись очень быстро. Могли ли с такой же скоростью меняться все социальные регуляторы человеческой деятельности? Едва ли. Такие регуляторы не складываются произвольно. По сложности и принципам организации они должны соответствовать сложности и принципам организации объекта регулирования, то есть человека. В марксизме этому положению общей теории управления отвечает закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Но мне кажется, что нынешнее понимание данного закона, несмотря на все, что говорилось и писалось по этому поводу, пока еще страдает недооценкой роли человека. Ведь революционные изменения в производительных силах — это всегда революционные изменения *самого человека, типа человеческой личности*. Созрел для перемен человек во всей

полноте его социально-культурных и социально-психологических характеристик — открыт простор и для изменения всей системы социальных отношений, а значит, и отвечающих им регуляторов человеческой деятельности. Не созрел — эти изменения тормозятся, задерживаются.

Поэтому вопрос о качественном состоянии общества — это, может быть, в первую очередь вопрос о социальном типе человека и его соотносительности с действующей системой социальных регуляторов, вопрос о готовности или неготовности человека воспринять перемены в этих регуляторах, либо, говоря иначе, о способности или неспособности регуляторов обеспечить наилучшую реализацию созданного историей человеческого потенциала.

«НЕПОДГОТОВЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Социальные регуляторы эффективны тогда, когда они не просто существуют в виде привычных для данного общества институтов, норм, правил и т. д., но и без труда принимаются людьми, естественны для них, соответствуют их внутренним потенциям. Если эти потенции нарастают, а социальные регуляторы остаются прежними, соответствие нарушается, регуляторы теряют свою укорененность, превращаются в чисто внешнюю оболочку, сковывающую развитие человека и его производительных сил, мешающую этому развитию. Устранить же такую оболочку бывает очень непросто, на ее стороне обычно сила веры, традиции, других звеньев системы социальных регуляторов.

Но бывает и по-иному. Семьдесят лет назад в нашей стране вся старая система социальных регуляторов была основательно сломана, многим казалось, что можно свободно конструировать новую систему, начинать строить ее «с нуля». Однако впоследствии стало ясно, что «свободное конструирование» имеет весьма жесткие объективные границы и что главным ограничением служит сам человек, его неподготовленность ко многим переменам, которые казались уже почти совершившимися.

Это, правда, не было таким уж открытием. Проблема, выражаясь современным языком, «человеческого фактора» в России обнаружилась по меньшей мере во второй половине XIX века. Марксистский анализ связывал ее с неразвитостью капитализма и порождаемых им городских слоев населения, прежде всего промышленного пролетариата. Но «неподготовленность» человека, его несоответствие требованиям времени ощущали — и, конечно, по-своему истолковывали — не только марксисты. Вот что писал, например, Ф. М. Достоевский: «Люди, люди — это самое главное. Люди дороже даже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а... только веками выделяются; ну а на века надо время, годков этак двадцать пять или тридцать, даже и у нас, где века давно уже ничего не стоят. Человек идеи и науки самостоятельной, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельной жизнью нации, вековым многострадальным трудом ее — одним словом, образуется всею историческою жизнью страны. Ну а историческая жизнь наша в последние два столетия была не совсем-таки самостоятельной. Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти тт., т. 21, стр. 93).

Не все разделяли мысль Достоевского о невозможности ускорять «моменты жизни народной». В те же самые годы П. Н. Ткачев, например, призывал к скорейшей революции, которая «тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большин-

ство само осознало свои потребности» (П. Н. Ткачев. Соч. в 2-х тт. М., 1976, т. 2, стр. 17) — «оригинальная мысль», по саркастическому замечанию Г. В. Плеханова. Но представление о том, что люди в большинстве своем не такие, «как надо», «не осознают своих потребностей», «не готовы» и т. д., было распространено достаточно широко. Оно не исчезло и когда истекли названные Достоевским годков «двадцать пять или тридцать». Прошло без малого пятьдесят лет, страна оказалась на решающем историческом повороте, и тот же вопрос встал с новой остротой. В 1919 году В. И. Ленин писал о миллионах «забитых... веками угнетаемых помещиками крестьян», с которыми тем не менее надо было строить социализм; «мы хотим строить социализм немедленно из того материала, который нам оставил капитализм со вчера на сегодня, теперь же, а не из тех людей, которые в парниках будут приготовлены...» (Полн. собр. соч., т. 38, стр. 54, 59).

Почему, однако, возникло это ощущение неготовности людей? Ведь речь шла о народе крупнейшей державы, на протяжении веков игравшей более чем заметную роль в мировых делах, о народе, обладавшем тысячелетней экономической, политической, духовной культурой.

Дело, думаю, в том, что на новом витке истории, в результате изменения социально-экономической ситуации в стране и не без влияния перемен, происходивших на Западе, вся эта целостная культура, равно как и вся лежавшая в ее основе система отношений подошли к своему историческому пределу, вступили в полосу кризиса, и это произошло раньше, чем люди в своей основной массе были готовы перейти к новой системе отношений, к восприятию новых социальных регуляторов экономической, политической или духовной жизни, к культуре иного типа.

Выход из кризиса полукапиталистических-полуфеодальных отношений царской России лежал через их устранение и создание новых, как полагали большевики, социалистических отношений. Но если при решении первой части задачи «неподготовленность» массы людей не послужила большой помехой, то при переходе ко второй, созидательной, части, к построению нового общества сразу выявилась исходная противоречивость ситуации.

С одной стороны, говоря о задачах построения социализма, Ленин с полной определенностью отмечал: «Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарковского, социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает... только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, только пролетариат» (Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15—16). С другой же стороны, пролетариат, прошедший школу крупного капиталистического производства, составлял меньшинство населения страны, большинство же было крестьянство, в целом еще сохранявшее верность старой патриархальной культуре, приверженность прежним механизмам регулирования социального поведения людей.

Признавая всю сложность ситуации, низкий уровень производительных сил, недостаток «цивилизованности», Ленин не отказывался тем не менее от исторической инициативы, считал возможным вначале овладеть политической властью, «а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». При этом он возлагал большие надежды на более подготовленных к решению стоящих перед страной задач городских рабочих, их помощь селу, «которая лежит в городской культуре. Крестьянину

нужны городские продукты, городская культура, и мы должны ему это дать» (Полн. собр. соч., т. 45, стр. 381; т. 38, стр. 257).

Ныне, оглядываясь на пройденный после 1917 года путь и пытаюсь извлечь уроки из прошлого, мы не должны забывать исходного пункта этого движения. Оно было крайне сложным во многих отношениях — в экономическом, политическом, военном и т. д., но хочу особо подчеркнуть социальный и социокультурный аспекты этой сложности. Как бы мы ни оценивали влияние на развитие страны в первые десятилетия Советской власти городского промышленного пролетариата, нельзя не видеть, что сам этот слой был в России относительно малочисленным, особенно после потерь, понесенных в годы революции, первой мировой и гражданской войн. К тому же преобладание крестьянского населения не могло не дать себя знать, не наложить неизгладимый отпечаток на сами представления о социализме как идеале будущего общества (а оно порой представлялось вроде большой крестьянской общины, где торжествуют принципы уравнительности, натурального распределения продуктов и т. п.).

«ГОРОДСКИЕ» И «СЕЛЬСКИЕ» РЕГУЛЯТОРЫ

Сегодня страна далеко оторвалась от того исходного уровня развития общества и человека, с которым она вышла из периода революции и гражданской войны. Однако события даже и недавнего прошлого все же проливают на достигнутое состояние нашего общества не самый лестный свет.

Как подойти к оценке этого состояния в контексте обсуждаемого здесь вопроса о социальных регуляторах? Уже отмечалось, что знания экономической и социальной структур, по крайней мере в том виде, в каком мы привыкли их видеть, недостаточны для такой оценки. Но есть еще один структурный разрез, которому у нас обычно придается меньшее значение, хотя Ленин, например, отводил ему, как мы видели, чрезвычайно важное место. Речь идет о принадлежности к двум типам культуры — городской и догородской (Ленин писал через запятую: «городская, промышленная, крупнокапиталистическая культура» — см. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 387). В интересующем нас контексте город и деревня рассматриваются как два принципа организации социальной жизни, а переход от «сельских» общества и человека к «городским» (урбанизация) — как один из главных векторов движения общества к новому качественному состоянию.

Урбанизация как механизм изменения качественного состояния общества — исторически явление сравнительно новое. Города возникли давно, но, существуя в преимущественно сельском обществе, они долгое время не превращались в носителей альтернативных форм социальной организации. Как писал Маркс, в средние века даже промышленность «в городе и в городских отношениях имитирует принципы организации деревни» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 46, ч. I, стр. 44). Самостоятельные же принципы организации города появились много позднее в связи с развитием капитализма, ростом числа и размеров городов и главное — в связи с небывалой дифференциацией городской деятельности. В чем различие этих двух принципов?

Тысячелетиями люди жили в условиях господства аграрной экономики и порождаемых ею формаций общественного строя. И тому, и другому соответствовали более или менее однотипные у всех народов социальные регуляторы повседневного поведения, всей деятельности. В силу малых размеров и значительной замкнутости сельской общины, в рамках которой протекала жизнь большинства людей, человек постоянно находился в непосредственном общении с односельчанами,

с сельским «миром», под его надзором, был связан со всеми взаимной ответственностью, круговой порукой. В этих условиях главное в механизме социального управления его поведением — внешний контроль, ориентация на неизменное повторение сложившихся образцов поведения, на сохранение его фиксированного места в строго иерархизированной социальной структуре. Отсюда — социально-психологические черты человека, воспитанного в рамках этих традиционных отношений: растворенность индивидуальности личности в общине, низкая социальная мобильность, неприязнь к нововведениям, вера в незыблемость твердо установленного порядка и авторитета его хранителей — институционализированных представителей социальной иерархии — от главы семьи, «большака», до батюшки-царя и т. д.

Человек — «винтик» в системе этих отношений, что до поры до времени воспринимается общественным сознанием как нечто естественное и закономерное, но затем, в период всестороннего кризиса аграрных, сельских обществ в связи с развитием капитализма, ставится под сомнение, оказывается объектом либо защиты, либо критики. Так было у всех народов, так было и в России.

В XIX веке принцип человека-«винтика» имел и сторонников, и противников. Например, И. В. Киреевский, противопоставляя Россию Западу, где «весь частный и общественный быт... основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости» и где «каждый индивидуум... есть лицо самовластное», с одобрением писал, что в России «формы общежития, выражая общую цельность быта, никогда не принимали отдельного, самостоятельного развития, оторванного от жизни всего народа... Никакая личность в общежительных сношениях своих никогда не искала выставить свою самородную особенность как какое-то достоинство; но все честолюбие частных лиц ограничивалось стремлением быть правильным выражением основного духа общества» (И. В. Киреевский. Критика и эстетика. М., 1979, стр. 147, 285—286).

Иное отношение к тому же принципу можно проиллюстрировать словами, которые вложил в уста своего персонажа Г. И. Успенский. «Я стремлюсь погибнуть во благо общей гармонии, общего будущего счастья и благоустройства, но стремлюсь потому, что лично я уничтожен... Благодаря нашей исторической участи, люди... выработали из себя не единичные типы, а «массы», готовые на служение общему благу, общему делу, общей гармонии и правде человеческих отношений. Причем каждому в отдельности... *ничего не нужно*, и он может просуществовать кой-как... Лично он перенесет всякую гадость, даже согласится сделать гадость просто из-за куска хлеба, оботрется после оплеухи и т. д. И отдохнет душою только в деле общем, совершенно поглощающем его личность» (Г. И. Успенский. Собр. соч. в 9-ти тт. М., 1956, т. 6, стр. 96, 97).

При всем различии позиций (высказанных к тому же с интервалом в несколько десятилетий) оба автора исходят из непреложности самого факта: отсутствия в тогдашней России человека с развитой индивидуальностью (речь идет о массовом человеческом типе; в России XIX века было уже, конечно, немало людей, выделявшихся из общего ряда). Во времена Успенского критика российской действительности набрала уже большую силу, как всякая полемическая критика она не свободна от перехлестов. Для тех, кто и сейчас относится к обсуждаемым чертам человека и общественных отношений слишком критически, видя в них чуть ли не некое абсолютное зло, заметим, что эти черты вобрали в себя тысячелетний опыт народов и что на фундаменте подобных «сельских» отношений воздвигнуты все мировые цивилизации, созданы культурные и нравственные ценности не-

преходящего, общечеловеческого значения. Другое дело, что на определенном этапе общественного развития возникли альтернативные формы организации социальной жизни, которые продемонстрировали свою эффективность и привлекательность и поставили в повестку дня истории проблему формирования нового «городского» человека и «городских» же регуляторов его поведения.

Резко возросшее разделение труда в городах, масштабы и сложность здешней жизни сделали неэффективными прежние регуляторы поведения людей. Жизнь в городе анонимна, общественные связи опосредованы (например, рынком, на котором производитель и потребитель могут никогда не встретиться). Внешний надзор за каждым невозможен. Чтобы общество не ввергалось в хаос, нужны какие-то новые регулирующие механизмы, и они действительно вырабатываются новой общественной практикой. Вместе с городским социальным пространством — намного более сложным и дифференцированным, чем сельское, — получает небывалое развитие и внутреннее пространство личности, ее самосознание, способность к рефлексии, к нравственному и эмоциональному переживанию и т. д. Это-то и делает возможными новые принципы социального управления: все поведение человека регулируется теперь «изнутри» гораздо больше, чем «извне», и такой способ регуляции воспринимается им как свобода по сравнению с несвободой в условиях «сельской» внешней цензуры. Так, получает новое звучание средневековая максима: «Город делает человека свободным». Свобода здесь, конечно, не вседозволенность, а именно особый способ существования в системе социальной регуляции деятельности, другая сторона внутренней ответственности человека. Только ответственный человек может пользоваться свободой без ущерба для самого себя, своих ближних и дальних. И только свободный, имеющий выбор человек может выработать в себе ответственность за свой выбор, стать тем «самостоятельно деловым» человеком, о котором писал Достоевский. Сама структура городской жизнедеятельности порождает и делает массовым новый тип личности — несравненно более универсальной и инициативной, чем прежде, потенциально способной овладеть новым, небывалым многообразием внешнего мира, включиться в принципиально иную, намного более сложную систему общественных отношений.

Чрезвычайно важной предпосылкой и в то же время результатом становления «городского» человека служит развитие товарно-денежных отношений. У нас сейчас много пишется об ущербе, который недооценка товарно-денежных механизмов наносит экономике. Но при этом в тени оказывается их огромное общесоциальное значение. Рынок, деньги, существовавшие испокон веков, на определенном этапе истории становятся мощнейшим регулятором всей социальной жизни. Без универсальности денег немыслимо появление и существование универсального человека. А «противоречие между количественной границей и качественной безграничностью денег» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 144) служит как бы зеркальным отражением противоречия существования универсального человека в мире всегда безграничных возможностей, стало быть, в мире постоянного выбора.

Из всего этого, конечно, не следует, что «городской» человек автоматически становится средоточием всех возможных добродетелей, воплощением гармонии и т. п., а товарно-денежные отношения — вершиной мыслимого развития общественных связей вообще. Новая ситуация исполнена своих внутренних противоречий. «Невидимая рука» рынка не справляется с поддержанием общественно необходимых экономических пропорций, и рыночная стихия становится грозной со-

циальной опасностью. Индивидуализация личности может привести к крайнему индивидуализму, свобода — обернуться отчуждением, возможность выбора — мучительной рефлексией, парализующей способность к действию, многообразие — стандартизацией и т. п. Кроме того, сказанное, конечно, не означает утверждения какого-то превосходства «городского» человека над «сельским». (Это важно подчеркнуть, ибо в марксистской традиции никогда не было чисто негативистского отношения к крестьянскому сознанию; крестьянин — «практик и реалист», крестьянство — носитель простых норм нравственности, без которых невозможно никакое человеческое общежитие.)

Переход от одного исторического типа личности к другому несет с собой и приобретения, и потери, и я бы не взялся оценивать итоговый баланс по какой-то абсолютной шкале. Тем не менее, если рассматривать этот переход в рамках общего исторического движения, то нельзя не видеть, что, породив новый тип человеческой личности, история открыла перед людьми новые возможности, которыми еще надо суметь воспользоваться. В определенном смысле можно сказать, что исторический спор между капитализмом и социализмом — это спор о путях освоения нового человеческого богатства, раскрытия и реализации неизвестных прежде возможностей человеческой личности. Но пути назад нет ни для того, ни для другого.

Многие исторические перемены вносят свой вклад в рождение нового человека. Первостепенная роль принадлежит коренным изменениям в структуре производства (индустриализация) и в отношениях собственности. Но именно урбанизация выступает своеобразным интегратором разнородных влияний всех таких перемен, формируя в конечном счете самого нового человека, его образ жизни, соответствующую ему культуру. Поэтому степень урбанизированности общества становится одной из главных характеристик его качественного состояния и обязательно должна находить отражение в представлениях о его социальной структуре.

К сожалению, сейчас мы располагаем очень скудной информацией о степени урбанизированности советского общества. На первый взгляд, его с определенностью можно назвать «городским», ибо сегодня городские жители составляют две трети населения страны. Однако на деле все не так просто. Статистика считает горожанином всякого, у кого имеется городская прописка. Но социолог, ищущий «городского человека» в описанном выше смысле, не может довольствоваться столь формальным критерием. Для него важно, где родился человек, кто были его родители, в какой среде проходила его социализация.

Советское общество стало «городским» очень недавно. Еще в 1926 году городские жители составляли всего 18 процентов населения страны, в том числе крупных городов с населением свыше 100 тысяч человек — всего 6,5 процента. К 1987 году эти показатели увеличились соответственно до 66 и 40 процентов. Между двумя названными датами — шесть десятилетий, срок более короткий, чем человеческая жизнь. Сегодняшний горожанин — сплошь и рядом вчерашний крестьянин. К сожалению, после 1926 до 1989 года ни одна перепись населения СССР не учитывала такого важнейшего признака, как место рождения, из-за чего безвозвратно утрачена ценнейшая информация о ходе урбанизации и о формировании городского населения страны. Сейчас можно сделать лишь приблизительные оценки, исходя из соотношения числа родившихся в городе и в деревне в разные годы. Эти оценки показывают, что среди нынешних 60-летних граждан СССР уроженцы городов составляют не более 15 процентов, среди 40-летних — 35—40, даже среди 20-летних — всего 50 процентов. В 1980 году на долю городского населения приходилось 59 процентов всех рождений — при-

мерно такой, может быть, несколько большей будет доля уроженцев городов среди 20-летних 2000 года.

Еще сложнее сделать подобные оценки по отдельным регионам страны (из-за значительной межрайонной миграции), хотя понятно, что во многих случаях они должны сильно отличаться от среднесоюзных. Кроме того, такие оценки все равно опираются на формальное деление поселений на городские и сельские, а оно всего не отражает. С одной стороны, и в городах, особенно тех, которые быстро выросли за счет притока сельского населения, на протяжении долгого времени сохраняются и в какой-то мере воспроизводятся многие типичные черты «сельского» образа жизни. С другой стороны, чем ближе к нашему времени, тем шире многие основополагающие элементы «городского» образа жизни распространяются и за пределами поселений, имеющих официальный статус города. Более того, все полнее осознается задача дальнейшего сближения деревни с городом — не в примитивном смысле переноса туда городских многоэтажек и вообще внешних примет наших не очень-то благоустроенных городов, как это, к сожалению, иногда понимается, а в смысле восприятия деревней основополагающих «принципов организации города» — включения крестьянина-фермера в более широкую систему общественных связей, товарно-денежных отношений, роста его самостоятельности, независимости, преодоления той «второсортности», которая была навязана нашему селу преобразованиями недавнего прошлого. Успех перестройки едва ли не в первую очередь зависит от того, насколько успешно будет решена эта задача. Но сама она — часть более общей проблемы преодоления элементов переходности, еще очень сильных у нас.

СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА И ПЕРЕХОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В самом деле, современное наше общество все еще во многих отношениях переходное, состоит из поколений, входивших в жизнь в период очень быстрых социальных изменений и потому прошедших разную школу социализации (подчеркну еще раз: урбанизация — не единственный процесс, обусловивший эти различия, но очень важный, интегрирующий многие другие). Однако, может быть, наиболее важная черта «переходности» — наличие многомиллионных слоев, которым пришлось изменить образ жизни уже в достаточно зрелом возрасте, в основном в результате массовой миграции из деревни в город. Вчерашний сельский житель адаптируется, как может, к непривычным городским условиям, в какой-то мере ресоциализируется. При этом складывается промежуточный — полусельский, полугородской — тип личности. Человек уже не может (хотя иногда и хочет) жить в соответствии с «сельскими», усвоенными в ходе первичной социализации нормами поведения. В то же время он еще внутренне не в полной мере готов жить по «городским» правилам, видит лишь «вершки» новой для него культуры или только ее негативные стороны. (Впрочем, не критичная, безоговорочно высокая оценка «городской» и нежелание видеть ценности традиционной сельской культуры — из того же ряда явлений, порождаемых переходной ситуацией: неопиты всегда принадлежат к числу наиболее ревностных сторонников нового для них бога.)

Не думаю, чтобы читатель нашел в обществоведческой литературе много материала по кардинальнейшей для нашей страны проблеме переходных общественных состояний и переходных слоев. Она еще ждет исследования. Коснемся лишь одного из аспектов этой проблемы, связанного с функционированием социальных регуляторов.

Сейчас в нашем обществе действуют как бы две ценностно и инструментально различные системы таких регуляторов. Одна ориенти-

рована на натуральные экономические показатели, уравнительное распределение, на традиционный, «винтичный» коллективизм, на внешний контроль за поведением человека, командные методы управления, бюрократическое администрирование и т. д. Другая система ставит во главу угла оплату по труду, рыночные механизмы, экономическую дисциплину, индивидуальные способности человека, свободу выбора, основанную на его внутренней ответственности, сознательную солидарность людей, объединенных общими интересами, и т. д. Обе эти системы объективно обусловлены состоянием общества.

Первая из них подсказана, скорее даже навязана непреодоленным опытом прошлого. «Сила» и ограниченность Сталина, с именем которого чаще всего связывают эту систему, заключались именно в том, что как социальный тип он полностью принадлежал этому прошлому.

Ничего неожиданного в появлении такого социального типа в крестьянской России, провозгласившей начало строительства социализма, не было. Еще в 1926 году, например, А. Платонов написал повесть «Город Градов», герой которой Шмаков, выработывавший форму своей подписи на будущих бумагах, «как бы невзначай копируя по простоте начертания подпись Ленина», полагал, что «чиновник и прочее всякое должностное лицо — это ценнейший агент социалистической истории, это живая шпала под рельсами в социализм». Сатирический этот персонаж, умерший «от истощения на большом социально-философском труде: «Принципы обезличения человека, с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия», был списан с жизни, а сама повесть А. Платонова была одним из многих предостережений, которые тогда не могли быть услышаны.

Живучесть того, что сейчас называют административно-командной системой, основывалась на существовании социальных слоев (а принадлежность к ним определяется отнюдь не только отношением к собственности или профессиональным статусом в данный момент, но — в очень большой мере — и социальным, и социокультурным генезисом), восприимчивых к свойственным этой системе регулятивным воздействиям типа жесткого внеэкономического давления, приказа, централизованно запрограммированного общественного мнения и т. п.

Пока эти слои — оторванные от привычной почвы, плохо адаптировавшиеся к новым социокультурным условиям, лишенные элементарного материального достатка вчерашние крестьяне — были многочисленными, административно-командная система находила в них надежную опору и была относительно эффективной. Платоновский Шмаков мог торжествовать, утверждая, что «бюрократия имеет заслуги перед революцией: она склеила расползавшиеся части народа, пронизала их волей к порядку и приучила к однообразному пониманию обычных вещей». Парадокс истории заключался, однако, в том, что чем сильнее разрасталась административно-командная система на определенном этапе развития, тем скорее приближался конец этого этапа, тем основательнее она разрушала свою собственную опору. Разоряя и обескровливая деревню и перекачивая ее жителей в город, добываясь индустриализации «любой ценой», поистине превращая людей в «живые шпалы под рельсами в социализм», она готовила новые и новые поколения сперва, может быть, и «полугородских», а затем и по-настоящему «городских» людей. И не только для города.

Не похвалой звучит здесь это слово «городской», а лишь указанием на определенные социальные качества, свойственные данному типу человека, на которого ориентирована вторая из существующих у нас сейчас систем социальных регуляторов. Эта система принята,

так сказать, официально, отражена в самых высоких документах, многие ее элементы закреплены в законе.

Но, как говорил Ленин, «кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь» (Полн. собр. соч., т. 38, стр. 170). Реально регуляторные механизмы, о которых идет речь, — например, рыночные механизмы регулирования товарно-денежных отношений, выборные механизмы формирования органов власти, судебные механизмы разрешения конфликтов — срабатывают не всегда. В целом они более эффективны тогда, когда в обществе накапливается больше людей, сформировавшихся как «универсальные», «самостоятельные», «инициативные» личности. Эти характеристики не имеют оценочного смысла, в зависимости от позиции читателя могут восприниматься со знаком «плюс» и со знаком «минус». Но коль скоро они есть, вся система социальных регуляторов должна быть устроена соответствующим образом: не подавлять проявления разных индивидуальностей, а поощрять их; не требовать «однообразного понимания обычных вещей», а признавать естественность разномыслия; не стеснять всесторонней подвижности людей, а способствовать ей и т. д. Смысл такой стратегии заключается в том, что послушание — добродетель несвободного, подчиненного человека. А если уж человек стал свободным, то общество может делать ставку только на его ответственность. Ответственность же воспитывается, когда потенциал свободного человека реализуется, а не подавляется.

Ни та, ни другая система социальных регуляторов не существует изолированно, они переплетаются между собой, подчас весьма причудливо, и в то же время противоборствуют. Это причудливое двоевластие можно увидеть повсеместно.

Один наш известный экономист писал: «Представьте себе армию, генералы которой рассылали бы письменные приказы одного содержания, а по телефону давали бы своим подчиненным совершенно противоположные указания. Вы скажете: представить такое невозможно, это противоречит здравому смыслу. В хозяйственной же практике аналогичное явление стало настолько привычным, что некоторые работники теоретического фронта стали считать его закономерностью социалистического производства...» Здесь речь идет о хозяйственном механизме (о разных «командах», даваемых планом и рынком), но, по существу, такое противоречие можно встретить повсюду в нашей социальной жизни, оно типично и для общественного сознания.

Приветствуем создание кооперативов как метод развязывания экономической инициативы — и тут же выражаем опасение, что кооператоры будут больше заботиться о своих доходах, нежели о благоденствии потребителя; судим по закону — но прислушиваемся к телефонным звонкам начальства; вроде бы выбираем — а больше все-таки назначаем и т. п. Каждый может продолжить этот список примеров. К нам все время поступает два ряда управляющих сигналов, и действовать приходится на основе компромисса, во многом зависящего от того, какой сигнал лучше воспринимается данным человеком, но также и от общего авторитета той или иной системы сигналов.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Мы подошли к очень важному вопросу о фактической динамике двух систем социальных регуляторов в советском обществе, о реальном нынешнем авторитете каждой из них. Это непростой вопрос.

Более или менее очевидно, что административно-командная система давно уже пережила свой звездный час, ее социальная база неуклонно сужается, вследствие чего свойственные ей социальные регуля-

торы работают все менее эффективно. Сохранение же за этой системой господствующего положения — пусть и с некоторым ремонтом фасада — привело к прогрессирующему замедлению общего движения, в конце концов к почти полной его приостановке («застой»). Ход вещей требует «перенастройки» на другую систему регуляторов, которая в свернутом виде всегда существовала, но не могла развернуться из-за отсутствия адекватного «человеческого материала».

Казалось бы, надо как можно скорее вырваться из застоя, сосредоточить усилия экономической, социальной и культурной политики на окончательном преодолении отжившей системы регуляторов и переходе к единовластию новых регуляторных механизмов. Одновременно следовало бы очень серьезно задуматься над механизмами социальной защиты человека в новых условиях, когда многие привычные сегодня формы такой защиты могут оказаться анахронизмом, перестанут удовлетворять человека и одновременно вступят в противоречие с господствующей системой социальных регуляторов.

В общем, перестройка активизирует движение именно в этом направлении. Однако здесь есть и свои трудности. На первый взгляд они могут показаться неожиданными. Если появление нового, по-иному подготовленного человека обесценило прежние авторитарные методы социального управления, то разве оно же не делает возможным широкий переход к демократическим методам? Но в этом рассуждении, кажется, и кроется ошибка. То, что нынешние поколения людей в массе своей невосприимчивы к системе сигналов административно-командного управления, показала сама жизнь. Но означает ли это, что они полностью созрели для восприятия сигналов другого ряда? На этот счет жизнь никаких особых подтверждений пока не дала. Ненужные качества отбрасывает, а нужные воспитывает общественная практика, но автоматической синхронности здесь нет. Наша общественная практика слишком долго не благоприятствовала формированию людей, которые достаточно естественно чувствовали бы себя в мире полной хозяйственной и политической демократии.

Ставшие крылатыми слова о том, что нам надо учиться демократии, отражают очень существенную особенность наших дней. Всем нам надо пройти школу общественной практики нового типа — иначе нужные социальные качества человека и работника выработаться не могут. А мы все еще топчемся на пороге этой школы, боясь сесть за непривычные парты. Главные же якоря, которые не дают нам сдвинуться с места, как мне кажется, — в сфере общественного сознания.

Социальные регуляторы, как отмечалось, имеют инструментальные и ценностные компоненты. Хотя для стороннего наблюдателя вся сложная система общественных отношений и социально-культурной надстройки над ними — лишь *средство* самоорганизации той или иной общины людей, для человека, живущего внутри данного социума, они *самоценны*. Люди не осознают инструментальной роли экономических или нравственных принципов, религиозных или этнических символов, придают им самостоятельное значение, видят в них высший смысл и нередко готовы отстаивать их любой ценой. Даже и тогда, когда инструментальная роль тех или иных регуляторов исчерпана, они могут еще какое-то время по инерции сохранять былой престиж в общественном сознании, питая его консервативные течения.

От того, что те или иные структуры существуют лишь в силу многовековой инерции, они не становятся менее реальными. Скорее даже напротив, чувствуя свою историческую обреченность, они отстаивают свое место под солнцем с особым упорством, находят своих ярких защитников — в этом сказывается огромная жизнеспособность, за-

ложенная в культуре каждого народа. Игнорировать эту реальность не может никакая разумная политика.

Для нынешнего состояния советского общества, как уже упоминалось, характерны многочисленные промежуточные, маргинальные слои, причем ситуация усугубляется значительной территориальной неоднородностью населения, имеющего, так сказать, неодинаковую степень маргинальности в разных регионах страны. Поведение маргинального человека *уже* не вписывается в рамки прежней системы социального регулирования и *еще* не вписывается в рамки его новой системы. Он живет одновременно в двух мирах, не будучи полностью адаптированным ни к одному из них. Интеграция личности такого человека затруднена, его сознание раздваивается, он легко теряет ориентиры, становится удобным объектом политического манипулирования, сворачивает на дорогу асоциального поведения, впадает в агрессивность или, напротив, социальную апатию и т. п.

Оторванный от своих социальных корней, человек испытывает чувство постоянной неудовлетворенности, не без основания видя ее главную причину в общественных переменмах. Отсюда его потенциальная готовность воспринять консервативные лозунги.

Несколько десятилетий назад именно многомиллионные маргинальные слои послужили социальной опорой сталинской диктатуры, которая пришла к власти на волне крайней революционности, но почувствовала себя в безопасности, лишь повернув к крайнему консерватизму. Конечно, сейчас степень маргинальности нашего общества уже далеко не та, но недооценивать ее все же не следует. И сегодня слишком торопливое движение к безраздельному господству «городских» отношений, а значит, и «городских» социальных регуляторов в сфере экономики, политики, этнических процессов, семейной или культурной жизни, особенно если они задевают сохраняющие силу традиционные ценности, может породить консервативную реакцию. Последняя, получив в свою очередь поддержку маргинальных слоев, способна не только свести на нет усилия политики перестройки, но и отбросить общество назад. (Заметим, что, следуя за консервативными лозунгами, маргинальные слои не обязательно отстаивают свои истинные интересы, они могут действовать даже вопреки им, что осознается обычно задним числом. Поэтому оценка социально-политической ситуации, основанная только на анализе объективных интересов различных групп населения, страдает неполнотой.)

Чтобы избежать подобного поворота событий, политика перестройки должна быть предельно гибкой, постоянно соизмерять свои цели и задачи с тем, что реально может быть воспринято и достигнуто обществом при его нынешнем состоянии. В принципе наше общественное поведение могло бы оказать существенную помощь политикам, давая объективный и дифференцированный анализ этого состояния, хотя пока, как представляется, оно скорее продемонстрировало свою неготовность к такой работе. В то же время никакая наука не может гарантировать стопроцентную правильность принимаемых политических решений. Конечно, генеральные, стратегические направления политики без ясного, научного понимания объективных тенденций общественного развития не определишь. Но залог успеха даже для самой последовательной и научно обоснованной политики также и в ее недогматичности, в способности к восприятию сигналов обратной связи, к самокоррекции с учетом реакции различных общественных слоев.